

Наступило Седьмое Седьмого. Это было первое крупномасштабное сражение между Чэнь и Юань спустя два года после битвы при Шанцзине.

В этом году в Цзянчжоу произошло наводнение, беженцы бежали со всех концов земли, на севере было неспокойно, а государство переживало самый сложный период. Великая Чэнь страдала от проблем внутри и угроз извне. Никто и представить себе не мог, что недавно назначенный губернатор Хэбэя, не пробывший на своем посту и месяца, вместе с комендантом Хэцзяня организует масштабную битву против монголов.

В этом сражении монгольской армии не удалось захватить город за ночь, к тому же она неоднократно подвергалась внезапным нападениям из засад. В полночь У Ду даже предпринял новую череду атак.

— Заряжай!

Двухтысячная армия Хэбэя ворвалась в тыл монголов.

Без вмешательства кавалерии Бату, несомненно, смог бы взять Е, но У Ду, похоже, не планировал сражаться с ним лоб в лоб — каждый раз, когда стороны соприкасались, он тут же отступал.

Дуань Лин долго наблюдал за ними и несколько раз замечал, что, когда монгольская армия атаковала сзади и, казалось, собиралась сменить строй, чтобы противостоять У Ду, войска, судя по всему, не хотели менять направление. Они не могли договориться друг с другом, из-за чего неоднократно упускали возможность атаковать.

Вот и все. Его армия не была едина сердцем. По всей вероятности, тысячники не желали слушать приказы Бату и хотели лишь поскорее захватить Е. Военные приказы, не дошедшие до солдат, — самая недопустимая ошибка в философии войны, и, если бы Бату не пленил его раньше, возможно, сейчас в монгольских войсках не было бы стольких конфликтов. Совершенно неожиданно, что действия Бату привели к этому.

Два отряда по тысяче человек каждый поочередно осаждали город. Возглавляя городское ополчение, Дуань Лин отражал атаки монголов тараном и лестницами.

С оглушительным грохотом таран ударился о городские ворота, и десятки людей бросились к ним, чтобы не дать им закрыться. Дуань Лин вбежал на башню городских ворот и пронесся по верху стены во главе своих лучников, выпуская одну стрелу за другой; за каждой стрелой, вылетающей из его лука, следовало падение монгольского солдата на землю.

На стене и под ней царил полный хаос. У Ду продвигался впереди своей армии, и кругом разливалась кровь; почти никто не мог заблокировать ни одного его движения. Там, где Легуанцзянь наносил удар, он пробивал броню вместе с человеком, скрытым за ней.

Дуань Лин учащенно дышал, прижавшись спиной к городской стене. Монгольская армия наконец поняла, что если не избавиться от войск, сидящих в засаде за городом, то взять Е не удастся. Вскоре от их войска отделилось около двух тысяч человек, и они устремились к отряду У Ду, чтобы сдержать его атаки.

Наступление на городские ворота сразу же ослабело, и защитники города опрокидывали поддоны с маслом и жгли дрова, наполняя окрестности черным дымом. Дуань Лин выслеживал монгольских воинов, спасающихся от дыма, и стрелял в них при каждом удобном случае. Те, в кого попадали стрелы, сразу же падали.

Облаченный с ног до головы в черные доспехи, У Ду в ночи был похож на призрака; как только монгольская армия продвинулась вперед, он устремился в лес. Вскоре лес загорелся, и из него повалил густой дым, заставляя монгольских воинов заходиться в приступе кашля. Затем У Ду во главе своих людей снова двинулся в сторону леса. Казалось, что силы монголов постоянно уменьшаются в размерах — на самом деле они гибли понемногу в руках этого воина в черном одеянии, ведь партизанская война продолжалась!

Бату испустил яростный крик и устремился к нему верхом. К тому времени правая рука У Ду ослабела от всех этих ударов, и он перебросил меч в левую руку, холодно процедив:

— Ты как раз вовремя.

Тогда Бэнь Сяо бросился к нему. У Ду и Бату сошлись в ближнем бою верхом на лошадях; у Бату было длинное копьё из черного железа весом почти в тридцать кэtti, а у У Ду — Легуанцзянь. Они столкнулись, опираясь на силу двух лошадей, несущихся друг на друга.

С металлическим звоном железное копьё содрогнулось — и одним ударом меча У Ду перерубил древко копья пополам! Бэнь Сяо врезался прямо в лошадь Бату!

Боевой конь Бату получил такой сильный удар, что перевернулся на бок. У Ду крутанулся на месте, оставаясь наполовину на лошади, и нанес горизонтальный удар Легуанцзянем!

Бату тут же выхватил саблю и, оттолкнувшись левой ногой от земли, взревел:

— Вставай!

Он натянул поводья с такой силой, что уголок рта лошади окрасился кровью. Но, устояв на четырех копытах, она оттолкнулась от земли.левой рукой Бату провел саблей по острию меча У Ду. Тот одобрительно воскликнул и перестроился, чтобы отбить удар, но к этому времени Бату уже вывел своего боевого коня из строя.

Куда бы он ни посмотрел, везде валялись раненые солдаты, а небо постепенно светлело. Дуань Лин заметил вдалеке черную полосу, несущуюся к ним.

— Сменить строй! — прокричал Цинь Лун.

На холм прибыло подкрепление в две тысячи человек, и они вышли на поляну, собираясь в походный строй. Яростно наступая, они выстроились в прямую линию.

— Вперед! — завопил Цинь Лун.

— Отступаем! — воскликнул У Ду.

Цинь Лун начал атаку, а У Ду почти одновременно вывел своих людей из боя под городскими стенами. Монгольская армия немедленно сменила строй, чтобы отразить атаку Цинь Луна, но было уже слишком поздно: тысячи всадников сражались в ближнем бою, обезумев от желания убивать — они уже превратили землю под Е в мясорубку, в которой разлетались конечности.

— Я оставляю это на тебя! — крикнул У Ду, внезапно покидая территорию.

Дуань Лин уже собирался приказать кому-нибудь впустить У Ду обратно в город, но тот увел своих людей прочь, обходя городские стены.

Монгольская армия была окончательно разбита, но, похоже, она вовсе не паниковала: отступая, она постоянно перестраивалась, покидая территорию по другую сторону городской стены. Цинь Лун повел свою армию вслед за ними в погоню, и Дуань Лин решительно произнес:

— Всем сесть на лошадей! За мной!

Пока монгольская армия проходила мимо восточных ворот, они постоянно меняли свои ряды. Внезапно восточные ворота распахнулись, и из них вышел Дуань Лин с сотней лучников и тысячей ополченцев. Монгольская армия, никак не ожидая здесь засады, не решившись оставаться сражаться дальше и разбежалась в стороны.

Собиравшееся перегруппироваться монгольское войско вновь рассеялось, и Цинь Лун направился навстречу к Дуань Лину.

Чжэн Янь прокричал:

— Губернатор! Вы слишком сильно увлеклись! Скорее возвращайтесь и охраняйте город!

— Забудь о городе! — громко произнес Дуань Лин и присоединил свои войска к армии Цинь Луна.

Только после того, как они прогнали монголов на десять ли и более, а небо стало совсем светлым, Цинь Лун сказал ему:

— Не преследуйте их больше! Мы должны вернуться и защитить город!

Дуань Лин собирался попробовать поймать Бату, но теперь, когда монголы были разбиты, они находились в полном беспорядке, и найти Бату уже не удастся. Ему оставалось только отказаться от этой идеи.

Однако, когда они уже собираются отступить, со стороны дороги появился отряд, сидевший в засаде, — и это был У Ду.

Прежде чем монгольская армия успела их распознать, они уже были разделены на части, и Дуань Лин воскликнул:

— У Ду!

— Что ты здесь делаешь? — прокричал в ответ У Ду. — Разве я не говорил тебе оставаться в городе?

— Я боялся, что они нападут на восточные ворота, пока у них есть возможность — там недостаточно защиты.

Сейчас в гарнизоне Е было всего несколько десятков человек. Цинь Лун похлопал Дуань Лина по плечу:

— Вам, правда, не занимать мужества.

— Оставь их, — сказал У Ду, — возьми новую лошадь и пойдем со мной. Цинь Лун, ты пойдешь с Чжэн Янем. Мы обойдем их на берегу Сюньшуй.

В этой битве для монголов все уже было решено. Кроме как перейти реку вброд, у них не оставалось других путей к отступлению. В их рядах разгорелся ожесточенный спор, и они завязли в прениях. Тем временем лучники со свистящими стрелами, которых У Ду спрятал в лесу, передавали сообщения туда-сюда, и внезапно монголам начало казаться, что повсюду вокруг них поджидали солдаты. Им ничего не осталось, как поспешно перейти реку вброд.

Когда они были уже на полпути к воде, У Ду и Цинь Лун со своими войсками снова возобновили атаку. Это было самым сокрушительным поражением для монгольской армии: в результате нападения Сюньшуй наполнилась плавающими трупами, и в итоге погибло не менее тысячи монгольских солдат.

В итоге даже двум тысячам монгольских солдат не удалось перейти Сюньшуй вброд и отступить на северный берег. Обе стороны столкнулись на расстоянии.

— Больше не возвращайтесь! — крикнул Дуань Лин в сторону другого берега реки весь в крови; рука, которой он натягивал тетиву, до сих пор не переставала дрожать.

— Отходим, — сказал У Ду, — в Е сейчас слабая оборона. Мы должны вернуться туда как можно скорее.

В итоге Дуань Лин так и не смог увидеть Бату, и на этом битва закончилась.

Когда они вернулись в город, то лицезрели повсюду раненых солдат. Цена этой битвы действительно была слишком велика.

— Подсчитайте потери, — приказал У Ду. Он вошел в кабинет губернатора и лег прямо на землю; его доспехи и шлем звенели по полу, а кровь просачивалась сквозь щели. Он не знал, чья это кровь — его собственная или вражеская.

Одежда мастера боевых искусств Дуань Лина была уже вся изорвана, и под ней были видны доспехи Белого Тигра. Он тоже лег на пол, прислонившись к ноге У Ду, и казалось, что он вот-вот развалится на части от усталости.

Снаружи раздавались радостные возгласы.

— Губернатор, комендант, — сказал лейтенант, — в армии Е — четыреста семьдесят два убитых и тысяча тринадцать раненых; в армии Хэцзянь — тридцать шесть убитых, шестьсот один раненый.

— Так много потерь? — произнес Дуань Лин, опустив глаза. — Позже я навещу погибших и выплачу им компенсацию. Мне нужно немного поспать... Не могу больше держаться на ногах.

***

В Цзянчжоу пришла ранняя осень, и вдоль всей дороги тянулась золотисто-желтая полоса.

Гонец вел своего коня по центральным улицам с вестью о победе Е Седьмого Седьмого. Посыльный ехал и днем, и ночью, чтобы доставить эту депешу в Цзянчжоу, отчего весь императорский двор содрогнулся. На утреннем собрании в тот день все гражданские и военные чиновники были ошеломлены новостью.

— Монголы отступили к северу от Сюньшуй, — сказал Се Ю. — Скорее всего, в ближайшее время они больше не войдут на территорию Великой Чэнь.

— Они вступили в битву с монголами, не испросив у императорского двора письменного приказа об объявлении войны, — произнес Су Фа. — Что же они будут делать, если монголы вернуться, чтобы отомстить, когда наступит зима?

— Даже самой быстрой лошади, скачущей без остановок, потребуется две недели, чтобы прибыть в Цзянчжоу из Е, — сказал Му Куанда. — Дорога сюда и обратно займет целый месяц. Когда комендант Хэцзяня вступил в должность, Его Величество уже выдал ему секретный императорский указ, дающий полное право действовать по своему усмотрению. К тому же монголы нападали уже не потому, что видели хорошую для этого возможность, а потому, что хотели вторгнуться на нашу территорию. Будь то стремление защитить нацию или здравый смысл, это была битва, в которой они должны были принять участие.

Цай Янь сказал:

— Это было сражение четырех тысяч против пяти тысяч. На удивление, они одержали достойную победу.

— Ваше Высочество, — произнес Се Ю, — это была не та битва, в которой можно судить о разнице в силе обеих сторон с помощью цифр.

Ли Яньцю ничего не говорил, по-прежнему смотря на карту.

Се Ю сделал шаг вперед и объяснил это придворным:

— Монгольские военные знают толк в партизанской войне, но не в осаде города. На территориях к востоку от Юйбигуань, когда приграничным городам приходится противостоять монголам, чаще всего они закрывают городские ворота и отказываются выходить. Но на этот раз комендант Хэцзяня У Ду решил взять свою армию и затаиться в засаде, атаковав тыл монголов, когда они напали на город. Затем они вместе с Цинь Луном обошли врага с двух сторон и преследовали его до самой Сюньшуй. Хотя я и не видел этого своими глазами, но, судя по тому, что написано в депеше Ван Шаня, я уверен, что именно так все и было.

— Эту тактику боя постоянно использовал покойный император, — невзначай отметил Ли Яньцю. — В тот год в Шанцзине, когда он вместе с Елюй Даши сражался против Угэдэя, он именно так и поступал — устраивал засады, чтобы атаковать тылы противника. Хотя вся слава за эту битву принадлежит У Ду, вклад Ван Шаня нельзя упускать из виду. Если бы он не перехватил секретную депешу монгольских войск, а затем не сообщил Хань Биню в Юйбигуань, чтобы тот прибыл с подкреплением, мы бы уже потеряли Е.

Никто не ответил. Цай Янь выглядел озабоченным и встревоженным. Ли Яньцю повернулся к нему и мягко спросил:

— Что ты думаешь, сын мой?

— Да, — ответил Цай Янь. — Тогда оставим это на усмотрение военного министерства.

Му Куанда добавил:

— Мы вытеснили монголов из Хэбэя, но пренебрегли осенним урожаем в провинциях Е и Хэцзянь. Кроме того, месяц назад был проведен призыв в ополчение, и они не могли одновременно заниматься сельскохозяйственными работами, поэтому нам, вероятно, придется выделить дополнительное количество зерна, чтобы помочь им пережить эту зиму.

Министр доходов вздохнул.

— Если с севера на юг устремится еще больше беженцев, я не знаю, что еще для них можно сделать. Мы можем обеспечить только Е.

— Тогда займитесь этим, — встал и произнес Ли Яньцю. — Заседание окончено.

Наступила осень, и небо стало еще просторнее; колыша траву, гулял ветер, и издали казалось, что по пшеничным полям расходились желтые волны. Как только монголы отступили, Дуань Лин распустил их войска и, чтобы не опоздать, велел начинать осенний сбор урожая. На какое-то время весь город Е казался пустым — все ушли собирать пшеницу и молотить муку.

Нужно было позаботиться о погибших и навестить раненых; Дуань Лин был занят целых три дня и совершенно измотан. Вернувшись в поместье, в их комнате он сменил припарки У Ду. От раны, полученной от стрелы, остался шрам, а эта битва нанесла ему еще одно увечье.

— Еще пару лет, и ты будешь весь в шрамах, — сказал Дуань Лин.

— Мне стоит занять еще несколько. Когда я состарюсь, а ты станешь императором и остынешь ко мне, я смогу показывать их тебе, чтобы ты вспоминал, как хорошо я к тебе относился.

— О чем ты говоришь? — Дуань Лин не знал, что и сказать. При виде У Ду в его сердце что-то дрогнуло, склонившись над ним, он обнял его за плечи и спину и прижался губами к татуировке на шее.

— Я думаю, этот парень не посмеет вернуться, — добавил У Ду.

— Он еще вернется, — сказал Дуань Лин, — до лета следующего года он обязательно придет.

Бату потерпел поражение в единственной битве, и Дуань Лин прекрасно понимал причину. Это не значило, что он неспособный, просто среди отрядов монгольской армии существовали разногласия. К следующему возвращению Бату он будет готов и возьмет с собой Амгу, чтобы

тот мог сразиться с У Ду один на один, а также соберет свои войска, стоящие гарнизоном в Хулун-Буире.

С этого момента и до следующего лета, пусть и ненадолго, будет длиться их драгоценный период восстановления.

Приложив новые припарки, У Ду надел верхний халат и поднялся. Дуань Лин спросил:

— Куда ты собрался на этот раз?

— Надо будет подумать, где достать тебе еды.

Дуань Лин улыбнулся.

— Я уже думаю об этом. По идее, это моя работа.

У Ду отмахнулся.

— Я должен обеспечивать свою семью. Другого пути нет.

— Эй, погоди-ка, — сказал Дуань Лин, — есть и другие вещи, которые мы должны решить. Мы сделаем это вместе.

Монголы пока успокоились, и Теневая стража тоже не вернулась. Это потому, что У Ду заметил их следы? Или потому, что Чжэн Янь здесь? Фэн До, вероятно, тоже был умным человеком, поэтому, кроме этих двух убийц, он наверняка послал еще многих. Но вот то, что они по счастливой случайности обнаружили те две незадачливые души, явно не входило в его планы.

Сколько еще осталось убийц и когда они начнут атаку было неизвестно.

Дуань Лин и У Ду много раз обсуждали эту проблему между собой, и У Ду полагал, что они разберутся с этим, когда до этого дойдет дело. Может, они и беспокоились об убийцах, но Фэн До наверняка волновался о них еще больше. Пока они осторожны, ничего не случится.

Тем временем Дуань Лина всегда жил в тревоге, и это ощущение проистекало из отсутствия чувства безопасности с самого детства. Он всегда предпочитал брать инициативу в свои руки; даже если не знал, где находится его враг, он поступал так по привычке. Когда он почувствовал, что у него нет надежды вернуться ко двору, он нашел себе другое занятие, например, гражданские экзамены... Теперь же он пожелал сразиться с монголами и разделаться с этими убийцами. Так он сможет хотя бы немного успокоиться.

— В этом ты очень похож на покойного императора, — сказал У Ду.

— Правда? — Дуань Лин почесал голову. Но ведь тактика осады была полностью спланирована У Ду, и к нему это имело очень мало отношения. Возможно, между ними установилось негласное и глубокое взаимопонимание, настолько сильное, что он даже повлиял на У Ду.

— Это ты хотел, чтобы Хань Бинь первым атаковал монгольские подкрепления, — произнес У Ду, — и тогда я решил, что мы должны сами напасть.

Они шли и одновременно разговаривали. У Ду погладил Бэнь Сяо и сказал Дуань Лину:

— Садись. Давай отправимся куда-нибудь развлечься.

Единственный в мире, кто мог даровать Дуань Лину чувство безопасности, помимо У Ду, был Бэнь Сяо. Каждый раз, когда У Ду отправлялся в битву, Дуань Лин думал только о том, что Бэнь Сяо обязательно защитит его. Он стал понимать, насколько важен боевой конь для прославленного генерала — даже если У Ду был еще очень далек от того, чтобы стать им.

Дуань Лин все время думал о том, что надо бы где-нибудь раздобыть еще одну лошадь. Если они будут ездить вдвоем, то, по его мнению, это будет изнурительно для Бэнь Сяо. К тому же Бэнь Сяо прожил уже столько лет, а жены все не было — сначала он все эти годы следовал за его отцом сквозь огонь и воду, а теперь рисковал жизнью ради него с У Ду. Ему казалось, что он делает для него недостаточно.

— Пусть немного передохнет, — сказал Дуань Лин, — он сейчас пасется.

Дуань Лин похлопал Бэнь Сяо. Пожевав траву, он поднес голову ближе, чтобы его погладили. Отвлекать других от еды — тяжкий грех, поэтому Дуань Лин решил дать ему отдохнуть пару дней. Он и У Ду могли спокойно прогуляться по городу.

Осеннее небо было безоблачно, а воздух свеж. С момента последней битвы прошло почти две недели, и те, кто получил легкие ранения, уже практически выздоровели.

— Куда делся Чжэн Янь? — спросил Дуань Лин.

— Он отправился на север, чтобы узнать, где находится Чжэньшаньхэ. Мы тоже когда-нибудь съездим туда осмотреться. Сколько еды нам сейчас не хватает?

— Нам не хватает четырехсот тысяч кэtti зерна, а у Е никогда не бывает остатков зерна к весне. Зерно вообще-то вторично — главная наша проблема сейчас — нехватка древесины. Когда наступит зима, люди наверняка замерзнут заживо.

— Или мы можем просто забыть о запрете и позволить им срубить немного деревьев.

— Если мы правда не найдем другого выхода, то останется только срубить часть деревьев в горах до наступления зимы, — ответил Дуань Лин. — Но если мы вырубим весь лес, то в следующем году горы снова будут голыми. Несколько дождей — и весь верхний слой почвы будет смыт, и мы не сможем возводить террасные поля, а значит, не сможем сеять зерно. В следующем году наступит голод.

После многолетней войны то, что когда-то было простирающейся на тысячи ли плодородной центральной равниной, к моменту перехода в его руки превратилось в руины.

Закончив обход, Дуань Лин и У Ду пришли на берег Сюньшуй за городом. Южная сторона постепенно стала заполняться простолюдинами: все хозяйства спешили собрать урожай зерновых; после осенней жатвы им еще нужно будет просеять зерно и перемолоть его в муку.

— У нас не хватает быков, — сказал У Ду. — Может, ограбим киданей и раздобудем парочку?

Дуань Лин засмеялся.

— Я тут занимаю зерно у Цзунчжэня, а ты хочешь резко взять и пойти разбойничать на границе Ляо — что за логика?

В глазах У Ду, будь то кидани или монголы, все они были палачами, по руки обгаженными кровью.

Но меж далекой битвой при Шанцзы и Дуань Лином было слишком большое расстояние; он никогда не видел ужасов той войны своими глазами, и поэтому его ненависть к киданям была не столь глубока. Ее место заняли годы, проведенные в школе в Шанцзине. Они привили ему чувство близости к императорской семье Ляо — Елюй Даши и Цзунчжэню.

Но против монголов он испытывал абсолютную и непримиримую кровавую вражду.

Их обвевал легкий ветерок. Обхватив руками колени, Дуань Лин сидел на стоге сена, положив голову на плечо У Ду, а тот обнимал его рукой, держа во рту соломинку. Они смотрели через Сюньшуй на далекий берег.

По ту сторону Сюньшуй была территория киданей.

— Если бы я был Елюй Цзунчжэнем... Одолжил бы я тебе зерна? Надо еще подумать, — произнес У Ду.

Дуань Лин понимал, что У Ду просто дразнит его, и даже могло показаться, что он немного

ревновал, поэтому он улыбнулся и ответил:

— Да, если он не одолжит нам зерна, нам придется умереть с голоду.

— Давай просто ограбим их, — сказал У Ду, — мы тоже будем пастись*.

* Киданьская армия грабила деревни вдоль китайской границы под предлогом «выпаса скота».

Иногда Дуань Лин действительно не знал, что ответить У Ду. Как только они покинули Цзянчжоу, он словно превратился в дикого пса, который бегал повсюду, пытаясь пометить территорию. Неважно, что сам комендант, отправивший своих людей на грабеж, станет посмешищем для всех трех империй — но ведь армия Е состояла не из варваров, как же они собирались жечь деревни киданей и убивать чужих жен и детей?

— У меня внезапно возникла идея, — глядя на противоположный берег, Дуань Лин приподнял бровь.

***

В Цзянчжоу стояло ясное осеннее небо, и в императорский сад с шумом ветра влетел воздушный змей и упал на землю перед Восточным дворцом.

Цай Янь быстро прошел мимо и, наступив прямо на него, быстрым, торопливым шагом вошел во дворец.

— Оставьте нас, — тон Цай Яня был холоден и мрачен.

Все его сопровождающие вышли из комнаты. Через крытую галерею вошел Лан Цзюнься и, увидев на земле воздушного змея, нагнулся и поднял его.

— Когда нить становится слишком длинной, она может легко порваться, — Лан Цзюнься редко открывал рот при Цай Яне без необходимости. Впервые за почти месяц он заговорил прежде, чем к нему обратились.

Цай Янь резко повернул голову, с недоумением и тревогой оглядывая Лан Цзюнься с ног до головы.

— Я только что пришел из императорского кабинета, — сказал Лан Цзюнься.

— Что же они теперь обо мне говорят? — Цай Янь выпустил длинный вздох, закрыв глаза.

— Наследный принц так усердно занимается государственными делами, — произнес Лан Цзюнься, — это благословение для всех.

— Кто это сказал?

— Канцлер Му, — ответил Лан Цзюнься.

Глаза Цай Яня распахнулись, а меж его бровей пролегла глубокая морщина.

— Я не помню, чтобы канцлер Му когда-либо восхвалял меня перед Его Величеством. С того самого дня, как я вернулся ко двору.

Лан Цзюнься согласился и кивнул, полагая, что Цай Янь не так уж глуп. Все, что говорил Му Куанда, он произносил после долгих раздумий. Сказал ли он это, чтобы уладить разногласия, или это был намек на что-то другое?

Но у Цай Яня больше не было времени разбираться с Му Куандой.

— Позови сюда Фэн До. Мне нужно кое-что сказать.

Лан Цзюнься вышел на улицу, чтобы позвать его. Не прошло и минуты, как явился Фэн До.

Судя по выражению лица, он казался встревоженным, как будто хотел что-то сообщить, но в итоге он промолчал и ждал указаний Цай Яня.

Цай Янь сказал Фэн До:

— В столицу снова поступили новости о Ван Шане. На этот раз из Чжунцзина. Ляо согласились одолжить двадцать тысяч ши зерна городу Е, и они даже позаботились о том, чтобы отправить письмо сюда, в Цзянчжоу.

Фэн До спросил:

— Что говорится в письме?

Озадаченный и взволнованный, Цай Янь некоторое время размышлял об этом, нахмурившись.

— Ничего особенного. Когда я был в Шанцзине, то однажды встретился с Елюй Цзунчжэнем лицом к лицу. Он попросил меня написать ему письмо, которое он мог бы сохранить на память.

Фэн До с улыбкой произнес:

— Это заслуги, которые Ваше Высочество накопили для простолюдинов Великой Чэнь за годы Вашего пребывания в Шанцзине.

— Чем вообще заняты твои люди? — внезапно сменил тему Цай Янь. Он сделал шаг вперед и спросил Фэн До.

Вопрос застал его врасплох, но он быстро оправился и взял себя в руки. Он не смотрел на Лан Цзюнься, а опустил взгляд в пол и почтительно ответил:

— Из трех групп с одной потеряна связь. Две другие сидят в засаде за пределами Е. Два разведчика одной из команд были обнаружены У Ду, и мы их потеряли.

— Наши цели оповещены, — холодно процедил Цай Янь.

— Мне очень жаль, — ответил Фэн До, — но там еще тридцать человек. Пока мы ждем удобного случая, убить его не составит труда.

— А та команда, которая потеряла с нами связь, тоже была убита У Ду? — спросил Цай Янь Фэн До, ничуть не беспокоясь о том, что в комнате находился и Лан Цзюнься.

— Я думаю, что это Чжэн Янь, — ответил Фэн До. — Чжэн Янь сказал, что собирается вернуться в родной город, а его уже давно нет.

— В этом есть смысл, — нахмурился Цай Янь. — Почему ты решил, что это он? Кроме них четверых, кто еще мог убить целое подразделение Теневой Стражи, не поднимая шума? Он тут ни при чем, так зачем ему совать свой нос в это дело?! Кто вообще послал его в Е?! В прошлом месяце ты сказал мне, что он вернулся в Хуайин! Что происходит?! Фэн До! Ответь мне!

К концу этих вопросов Цай Янь заметно разозлился, он, по сути, уже выль на Фэн До. Под напором его ярости Фэн До сделал полшага назад и упал на колени.

— Мой дядя уже узнал об этом... — произнес Цай Янь. — Он знает, что я послал людей убить Ван Шаня, не так ли? Иначе зачем бы он посылал за ними Чжэн Яня?!

— Его Величество еще не знает, — голос Фэн До был предельно спокоен.

Цай Янь, не говоря ни слова, уставился на Лан Цзюнься. Он все еще держал воздушного змея.

— Ты иди, — произнес Цай Янь, его голос дрожал. Лан Цзюнься молчал.

— Уходи.

Цай Янь смотрел на Лан Цзюнься почти с мольбой.

Как только он собрался сказать что-то еще, Лан Цзюнься опустил воздушного змея.

— Если мы убьем его, твоя территория останется в безопасности?

— Да. Я прямо сейчас напишу ответ для Елюй Цзунчжэня.

Лан Цзюнься больше ничего не сказал и повернулся, чтобы уйти.

— Убей и У Ду, — сказал Цай Янь, — если это возможно.

— Я не могу его убить. У меня нет одного из пальцев, поэтому я не могу пользоваться мечом так, как раньше. У Ду слишком сильно превзошел меня за последний год. Боюсь, никто больше не сможет его убить.

Цай Янь молча смотрел на него.

После того как Лан Цзюнься ушел, Цай Янь взглянул на Фэн До и наконец произнес:

— Вставай.

Фэн До медленно встал и сел на колени возле стола. Трясущимися руками Цай Янь развернул написанное от руки письмо Елюй Цзунчжэня, успокоил себя и сказал:

— Я буду диктовать, а ты пиши.

Фэн До взял кисточку и обмакнул ее в тушь.

Цай Янь произнес:

— Елюй Цзунчжэнь...

Фэн До записал, а Цай Янь добавил:

— Нет. Пиши «Цзунчжэнь».

— С тех пор как наши пути разошлись столько лет назад... — прерывисто произнес Цай Янь. — Я не представлял, что буду так сильно скучать...

Фэн До продолжил писать. Цай Янь замолк и долгое время вообще ничего не говорил.

— У меня болит голова, — сказал усталым голосом Цай Янь, — я бы хотел немного поспать.

Фэн До помог Цай Яню лечь на кровать. Тот тяжело дышал, а затем отвернулся к стене. Фэн До не решался ничего сказать и молча отошел назад.

— Фэн До, — донесся до него голос Цай Яня, — не уходи. Останься здесь.

В комнате царил тишина и спокойствие, и было слышно лишь дыхание Цай Яня. Фэн До сидел за столом, не говоря ни слова, а Цай Янь постепенно погрузился в сон.

***

Му Куанда шел по галерее канцлерского поместья с глубокой морщиной меж бровей, а Чан Люцзюнь следовал за ним по пятам.

Му Куанда время от времени останавливался, словно желая обернуться и отдать какой-то приказ, но, казалось, колебался, не в силах принять решение. Чан Люцзюнь всякий раз прекращал движение и продолжал идти, когда тот ступал снова.

— Чжэн Янь отправился в Е, — сказал Му Куанда, — что это значит?

Чан Люцзюнь не произносил ни звука.

— Улохоу Му тоже ушел, — добавил Му Куанда, — а что значит это?

Чан Люцзюнь согласился.

Наконец Му Куанда произнес:

— В тот день в сторону Е было отправлено почти пятьдесят теневых стражей. Так много людей. Зачем они все направляются на север? Скажи мне.

Чан Люцзюнь по-прежнему молчал, и Му Куанда продолжил:

— От Чан Пина не было никаких вестей с того момента, как он покинул Сюньян. Но как

Восточный дворец вообще узнал об этом?

— Может, господин Чан Пин и негоден в бою, — ответил Чан Люцзюнь, — но с его умом он никогда не попадет в руки Теневой стражи.

— Не обязательно. Я действительно беспокоюсь. Вскоре после того, как я получил письмо с севера, половина Теневой стражи исчезла, а Чжэн Янь объявил, что отправляется домой, а на самом деле поехал в Е.

— В таком случае, — произнес Чан Люцзюнь, — У Ду и...

— Вообще-то, У Ду и Ван Шань не имеют к этому никакого отношения. Теневая стража не вернулась, значит, они еще не нашли Чан Пина. А теперь даже Улохоу Му уехал. Что имели в виду Его Величество и наследный принц, замышляя такое?

Чан Люцзюнь не говорил ни слова, а Му Куанда расхаживал взад-вперед по крытой галерее, пока, наконец, не остановился.

— Сегодня я его даже как-то раз попрекнул, — сказал Му Куанда, — а он только улыбнулся. Ничего не сказал в ответ.

— Ван Шань только что выиграл битву, так что я уверен, что он не занят. Раз уж он уже там, почему бы нам не попросить его...

— Нет, — отрезал Му Куанда. — Ты пойдешь лично.

Чан Люцзюнь нерешительно произнес:

— Я...

— Не волнуйся. Нам просто придется рискнуть. Если тебя не будет целый месяц, мне придется быть более осторожным. Ты уедешь сегодня вечером, а когда доберешься до Е, сначала встреться с Ван Шанем, но не рассказывай ему никаких подробностей. Просто скажи, что ищешь господина Чан Пина и хочешь, чтобы У Ду помог тебе.

— Конечно, — ответил Чан Люцзюнь.

— Тогда отправляйся. Прежде чем сможешь вернуться, ты должен найти Чан Пина.

Чан Люцзюнь поклонился и кивнул, быстро зашагав прочь.

Му Куанда, улыбаясь, пробормотал про себя:

— Хех. Что ж, это интересно. Все четверо великих убийц отправились в одно и то же место.

Му Куанда покачал головой, чувствуя беспокойство, и повернулся, чтобы уйти.

***

Под Великой стеной ветер пускал по лугам волны.

Из деревушки вдалеке по ветру тянулся густой дым: поджигали целую деревню. Как только отряд монгольских солдат закончил жечь и убивать всех, они вытаскивали ханьцев из домов и бросали их тела в канаву на краю поля.

Все живущие здесь люди были ханьцами. С тех пор как император Ляо включил территорию к югу от Великой стены в границы Ляо, он объявил киданей жителями первого сорта, цветноглазых и монголов — второго, тангутов — третьего, а ханьцев — последнего*. Власть Сына Неба Великой Чэнь была отброшена на юг, и началось правление императора Ляо, но это не сильно повлияло на тех, кто жил здесь; просто теперь Его Величеством был кто-то другой. Что же касалось того, как выглядел Его Величество, то вряд ли они могли его увидеть. Если говорить о том, что изменилось, то их сборщик налогов теперь был киданем.

* По сути, это кастовая система, созданная монголами во времена династии Юань (когда Китаем правили монголы), за исключением того, что на самом верху находятся кидани.

В последние годы даже сборщик налогов перестал приходить, и деньги вместо него собирал староста деревни.

До сегодняшнего дня, когда нагрянули монголы.

С этого момента название деревни сотрется из истории, оставляя после себя лишь развалины.

Монгольские солдаты убивали всех до единого трудоспособных мужчин и насиловали деревенских женщин у тропинок, ведущих к полям, а когда насыщались, зарезали их.

Несколько сотников стояли на краю пшеничного поля и пускали стрелы в бегущих по нему простолюдинов. На луга выбежала стая охотничьих собак, возвращаясь с окровавленной плотью, вырванной из рук и бедер.

Бату шел по тропинке с саблей в руке. Он проверил ее вес, а затем вонзил в серебристый тополь. Лезвие застряло в стволе, и он снова вытащил его, чтобы вколоть вновь. Он сделал еще несколько порезов и вырубил на коре иероглиф «гора».

— Лин, — произнес голос маленького Дуань Лина.

Дуань Лин держал камень и с его помощью учил Бату, как написать свое имя на дереве за Прославленным залом.

Иероглифы «гора» и «команда» вместе составляли «Лин», он означал «вершина большой горы».

— Наши ханьские имена состоят из объединенных идеограмм, — голос Дуань Лина, казалось, все еще звучал в ушах, когда он объяснял Бату, спрашивая. — Что означает «Бату»?*

* Бату — то, как имя Бату произносится на ханьском языке.

— Ничего, — тогда с раздраженным видом сказал Бату. — Только ваши ханьские имена звучат красиво. А моя фамилия и имя звучат так, будто предназначены для какого-то домашнего животного.

Дуань Лин подтолкнул Бату и указал, чтобы тот записал. И Бату вывел несколько искаженных иероглифов на монгольском языке. Они были похожи на земляных червей.

Дуань Лин наклонил голову, чтобы рассмотреть их.

— Это те самые иероглифы?

— Ты не можешь прочитать? — сказал Бату, весьма довольный его невежеством.

Дуань Лин бросил взгляд на Бату и сказал:

— Батыр.

— Ты правда это знаешь? — на этот раз настала очередь Бату удивиться. Дуань Лин слегка улыбнулся и шагнул вперед.

— Кто тебе это рассказал?

— Я прочитал это в одной книге. Батыр — это бог, который в легендах раздвигает горы. Он обладает огромной силой и мужеством.

Бату подошел к Дуань Лину сзади и подхватил его, заставив вскрикнуть, но Бату только рассмеялся, поворачивая его то так, то эдак над своим плечом. Наконец они вдвоем упали в кусты; Дуань Лин с трудом поднялся на ноги и, как только встал, рванул с места, но Бату

схватил его, и он снова упал.

Бату в те времена всегда был грязным, его овчина не стиралась по полгода. В то время как одежда Дуань Лина всегда была выстирана дома, у него были нежные, красивые черты лица и бледная кожа, он всегда был таким чистым, словно облако, плывущее к горизонту.

— Блять, ты такой красивый.

Бату уставился на Дуань Лина, потянувшись к нему, чтобы ущипнуть и погладить по лицу. Тогда они были еще очень молоды; Дуань Лин был совсем неопытен и не догадывался о звериных желаниях, которые переполняли Бату. Уже тогда в теле Бату бурлило самое примитивное вожделение, по его венам текла необузданная жажда.

— Отпусти меня! — сразу же произнес Дуань Лин. — Иначе я больше не буду с тобой дружить!

Бату прижал Дуань Лина к себе и пополз по его телу, наклоняясь, чтобы погрызть его шею, но, когда он опустил голову, Дуань Лин укусил его за ухо. Бату тут же вскрикнул, яростно завывая на него, и Дуань Лин вырвался из его хватки и убежал.

Бату гонялся за ним по галерее, и после долгих поисков обнаружил его занимающимся в присутствии главы школы, так что ему осталось только отказаться от мысли поймать его. Все ненавидели, каким грязным он был, и глава школы не был исключением. Как только он увидел Бату, то в наказание велел ему стоять на улице. Бату стоял за дверью и наблюдал за Дуань Лином, пока тот читал и писал, как будто был телохранителем.

Временами он охотно терпел это наказание — Бату сидел у колодца, вытирая шею мокрой тряпкой из ведра. Он заметил свое взрослое отражение в воде и всмотрелся в собственные глаза цвета индиго.

Он не мог не вспоминать прошлое, рассыпанное, как осколки, в его сознании. Они разделялись и снова соединялись, и в конце концов Бату уже не мог сказать, какие из этих образов произошли на самом деле, а какие ему просто привиделись.

Он помнил только, как Дуань Лин сидел за письменным столом на коленях, читал и писал под туманным светом заходящего солнца. Тогда Бату стоял у входа в главный зал и наблюдал за ним, не издавая ни звука.

Он стоял до тех пор, пока не село солнце, не стемнело и не зажглись все лампы, пока не взошло небо, полное звезд.

Какого дня он ждал больше всего, когда учился в школе? Естественно, первого и пятнадцатого числа каждого месяца, когда у них были выходные дни. Каждый раз, наступали каникулы, Бату всегда надеялся, что Лан Цзюнься не появится. А раз он не появится, Дуань Лин будет

вынужден оставаться в библиотеке и составлять ему компанию.

Когда они ночевали вместе, то оставляли одежду греться у огня, а Дуань Лин зарывался под одеяла Бату.

В детстве их кожа была чистой и сухой, и когда они терлись друг о друга, у Бату бурлила кровь, но он не смел ничего сделать с Дуань Лином, чтобы тот не рассердился на него и не стал месяцами не разговаривать с ним. В глубине души он даже надеялся, что Дуань Лин укусит его, как будто это действие выражало какие-то эмоции.

К тому времени, когда они увиделись снова, он окончательно повзрослел и уже не был похож на маленького ребенка. Однако он вырос совсем не таким, каким его представлял себе Бату, и, похоже, развивался в другом направлении. И все же это неожиданное изменение вызвало в нем другой вид фанатизма, заставляя его чувствовать себя безумным в еще большей степени.

Жители равнин говорили, что лучшее время в жизни человека — это когда ему только-только исполнилось шестнадцать, когда можно оседлать лошадь и скакать во весь опор. Эта расцветающая жизненная сила подобна лугу в конце весны и на пороге лета, такому ярко-зеленому, что приходится прищуриваться, когда даже речь человека наполнена силой жизни. Если бы он только знал, то не колебался бы в тот день.

Кровь в его жилах раскалялась и пылала, а мысли блуждали; вождение разгоралось в нем с такой силой, что почти разрывало на части, не давая выхода. Когда он услышал истошный крик юноши, доносящийся из дома во дворе, он наконец не смог больше сдерживаться и распахнул дверь.

Монгольский солдат использовал юношу для удовлетворения своих потребностей; Бату схватил солдата за волосы, вытащил его на улицу и без единого слова стал снимать с себя одежду.

В тускло освещенной комнате на кровати лежал молодой человек на грани падения в обморок. Он был так удивлен появлению Бату, что оцепенел, задыхаясь и не решаясь взглянуть на него.

Бату распахнул халат, обнажая массивную, мускулистую грудь. Его плечи и спина казались полными силы, а юношеские мышцы были четко очерчены, словно вылеплены из глины; между ног стоял прямо внушительный толстый член.

Очертания его спины и подтянутой талии напоминали облик дикого волка, и юноша был настолько ошеломлен, что, когда Бату навалился на него, он даже забыл взмолиться о пощаде или закричать, но, придя в себя, снова заорал как безумный.

Бату пристально смотрел в глаза юноши. Не прошло и минуты, как все это начало казаться ему довольно скучным, и он не стал пытаться войти в него. Он стащил юношу с кровати и пнул его в угол.

Дрожа от страха, молодой ханец подобрал свою изорванную одежду и надел ее, все время трясясь. Он опустился на колени перед Бату, и тот по-ханьски спросил:

— У тебя есть спиртное?

Юноша побежал за вином. На заднем дворе он нашел труп своего старшего брата и испустил отчаянный вопль.

Вскоре он вбежал в комнату с серпом, надеясь убить Бату и умереть. Тот нахмурился, вздохнув, схватил юношу за запястье и без особых усилий повалил его на пол. В этот миг сопротивление парня, казалось, позволило ему обрести некое знакомое чувство: Бату снова стал срывать с него одежду, но на этот раз юноша не поддавался ему. Вместо этого он продолжал бороться, и чем больше он сопротивлялся, тем сильнее возбуждался Бату, но вскоре голова молодого человека толкнулась вперед, и он перестал двигаться.

Оказалось, все это время он изо всех сил старался подтянуть грудь к серпу, пока конец лезвия не вошел в его сердце.

Бату беспомощно наблюдал за тем, как свежая кровь стекала на пол. Наконец ему осталось только положить труп на землю. Он вздохнул и накинул на себя плащ, чтобы немного посидеть на кровати.

Свет за окном постепенно угасал. Он сходил за вином, прислонившись к стене, сел на кровать и начал пить. Он пил до тех пор, пока весь свет не исчез, оставляя комнату во мраке. Полупьяный, полубодрящийся Бату привалился к стене, и во сне ему виднелись ослепительные осколки воспоминаний о том, как он и Дуань Лин дрались друг с другом, и четкий и ясный тембр голоса Дуань Лина, зовущего его по имени. словно в калейдоскопе, они освещали его жизнь, которая казалась унылой и скучной, делая мир ярче.

И наша жизнь — наплыв, что сон! А радостью живем, ну, много ль мы? Если в земной жизни ему больше никогда не придется просыпаться, и он сможет оставаться в этом прекрасном долгом сне, возможно, это тоже будет своего рода счастьем.

Через некоторое время после того, как он заснул, снаружи вдруг раздались голоса.

— Он здесь, — произнес знакомый голос.

У Бату болела голова. Он поднял кувшин с вином и, спотыкаясь, вышел из дома: халат был расстегнут, а пояс болтался на боку. Кто-то схватил его за руку.

— Тебя ищет Чаган. У него новости из Гуаншаня*.

* Луга Гуаншань, Внутренняя Монголия.

Бату поправил пояс.

— Что ты здесь делаешь?

Новоприбывший оказался Амгой.

— Поскольку ты не смог взять Е, Дорегене все пытается подставить тебя перед Угэдэем, Толуй попросил меня прийти и проведать тебя*.

* Дорегене-хатун была женой хана Угэдэя. Историческая Дорегене была также известна как Великая Хатун, которая стала регентшей после смерти мужа. Толуй был братом Джучи.

Они вышли со двора, разговаривая друг с другом на ханском языке, чтобы другие монгольские солдаты не могли подслушивать. У Бату голова словно раскалывалась.

— Где моя армия?

— Тебе придется самому что-нибудь придумать. Чагатай не хочет возвращать тебе твою армию. Кроме того, они хотят привлечь тебя к ответственности. Ты проиграл две битвы в Хэбэе, так что если следующий, кто появится, будет не Чагатай, то Толуй.

Бату выругался. Его отец Джучи был старшим сыном, Чагатай — вторым, а Угэдэй — третьим. Толуй больше всех ценил способности Бату, но он был четвертым сыном. Чагатай никогда не был в хороших отношениях с его отцом Джучи.

— Хэбэй — мой, — произнес Бату, — просто я еще не успел его захватить. Я напишу письмо отцу и попрошу его привести мне армию.

— У твоего отца не все так гладко, — сказал Амга.

— И что же? Ты ведь пришел сюда не для того, чтобы объявить о его кончине, верно?

Амга замолчал. Они вышли во двор, и он жестом показал Бату, чтобы тот зашел внутрь. Перед тем как войти, Бату сказал:

— Я не могу победить этого У Ду. Придется еще поработать над моими боевыми искусствами. Как ты с ним справился?

— Мы едва сравнялись.

Бату произнес:

— Научи меня как-нибудь.

Он поднял дверную занавеску и прошел через нее во двор. Внутри сидели официальный посланник Угэдэя, шивэй по имени Чаган*, армейский инспектор, а также четыре тысячника, расположившиеся по бокам от него. Они были заняты разговором, но с появлением Бату замолчали.

* Шивэй — общий экзоэтноним (VI?—XII) древних монгольских племён (кочевников), обитавших на территории восточной Монголии, части Внутренней Монголии и северной Маньчжурии (до Охотского моря). Термин также распространялся на тунгусо-маньчжурские племена (кочевников, полукочевников и охотников-рыболовов) региона.

— Борджигин Бату, — обратился Чаган к Бату, — твоего отца ранили, когда он напал на меркитов*, и сейчас он при смерти. Угэдэй послал меня сюда, чтобы спросить, когда ты сможешь взять Хэбэй. Если не сможешь захватить его, то возвращайся в Гуаншань и возьми на себя ответственность за потери. Все ждут от тебя вестей.

* Меркиты — монгольское племя, вошедшее в империю Чингисхана в начале XIII века. Населяли юго-западное Забайкалье (юг современной Республики Бурятия в России) и север современной центральной Монголии.

Брови Бату медленно сошлись вместе.

***

На рассвете У Ду закончил заниматься боевыми искусствами и вошел в главный зал, где обнаружил Дуань Лина, рассматривающего карту Хэбэя. Ни одного человека, присматривающего за ним, не было.

— Где Чжэн Янь? — спросил У Ду, нахмурившись.

С Дуань Лином действительно никого не было — что ему делать, если появятся убийцы?

Дуань Лин ответил:

— За ним кто-то приходил раньше, так что он ушел развлекаться.

У Ду был заметно обеспокоен. Дуань Лин оглянулся и с улыбкой произнес:

— Это был молодой человек, лет шестнадцати или около того. Сын сотника.

— Скажи ему, чтобы не делал таких вещей, — сказал У Ду, нахмутив брови. — Если его отец придет за ним, будет трудно объяснить.

— Молодой человек сам этого хотел. Я ничего не мог сказать по этому поводу.

У Ду почесал голову.

— А завтрак он тоже не приготовил?

— Нет, — с улыбкой ответил Дуань Лин.

У Ду ничего не оставалось, как самому начать готовить завтрак. Он позвал Дуань Лина пойти с ним; он чувствовал себя уверенно только тогда, когда Дуань Лин находился в пределах его видимости.

На кухне У Ду закончил мыть руки и начал готовить для Дуань Лина кашу.

— Я планирую отправиться в путешествие, — произнес Дуань Лин.

— Куда?!

У Ду чуть не перевернул кастрюлю и обернулся, чтобы сказать:

— Ты не боишься умереть?! И ты еще смеешь ходить в одиночку?!

— Мы можем пойти вместе, — озадаченно ответил Дуань Лин.

— О... — У Ду осознал, что они отправятся вместе, и сказал. — Да, хорошо.

У Ду больше не задавал вопросов, и Дуань Лин беспомощно смотрел на него, прислонившись к дверному косяку и уткнувшись лбом в руку.

— Когда мы выезжаем? — спросил У Ду.

— Как только вернется гонец, посланный в Ляо, мы отправимся, взяв с собой четыреста человек. На этот раз мы должны убедиться, что все готово до нашего возвращения.

— Четыреста человек? Куда мы едем?

— В Сюньян. Мы пересечем Сюньшуй и двинемся на север до самых окраин Жунани, в долину Хэйшань*.

* Фэйтянь постоянно ошибается в двух вещах: в математике и в местоположении. Он либо переместил Жунань, либо имел в виду юг.

— Да, — произнес У Ду, — хочешь вернуться и осмотреться?

Дуань Лин молча покачал головой.

У Ду сказал:

— Если хочешь, мы можем отправиться сегодня. Нет необходимости ждать посыльного.

— Нет, — ответил Дуань Лин, — лучше сначала дождаться гонца. Я должен хотя бы иметь представление о том, собирается ли Ляо одолжить нам зерно.

У Ду закончил готовить завтрак, вынес еду, и они вдвоем расставили посуду в главном зале, готовясь к трапезе.

За это время в комнату вошел еще один человек, и этот человек в данный момент сидел и пил чай в свое удовольствие; это оказался Фэй Хундэ, которого они так давно не видели. Фэй Хундэ был весь покрыт дорожной аылью, он только что приехал. Все, кто работал в поместье, искали губернатора Вана, чтобы сообщить ему о прибытии Фэй Хундэ, но так и не заглянули на кухню. Таким образом, они встретились только после того, как У Ду закончил готовить завтрак.

Дуань Лин находился в оцепенении и не мог вымолвить ни слова.

Фэй Хундэ кивнул ему с улыбкой на лице. Они уже были старыми знакомыми, причем настолько, что Фэй Хундэ даже не удосужился встать.

— Я просто подумал, что если немного потороплюсь, то, возможно, успею даже на завтрак.

Он появился так внезапно, что Дуань Лин даже не успел отреагировать на его появление, и инстинктивно произнес:

— Мастер Фэй, вы пришли как раз вовремя. Давайте вместе позавтракаем.

У Ду молча уставился на Дуань Лина.

Некоторое время они в тишине глядели друг на друга, прежде чем Фэй Хундэ с улыбкой

поднялся на ноги.

— Приветствую вас, господин!

Дуань Лин прокричал во всю мощь своих легких:

— Мастер Фэй!

Один Фэй Хундэ был для него полезнее целой армии; это прямая помощь божественного провидения! Дуань Лин думал, что Фэй Хундэ либо пошлет людей доставить зерно, либо отправит ему ответное письмо. Он и представить себе не мог, что тот приедет сам!

Дуань Лин с нетерпением подбежал к нему, схватил за руку и пригласил снова сесть. Затем он встал на колени перед столом и отвесил ему почтительный поклон, такой счастливый, что даже не знал, что и сказать.

Фэй Хундэ усмехнулся.

— Когда я впервые увидел вас в прошлом году, мой господин, вы казались ребенком. И сейчас вы все тот же ребенок.

Дуань Лин чувствовал себя так же безудержно радостно, как У Ду в ту ночь, кувыркавшийся в персиковом саду. Ему хотелось выбежать и носиться кругами, но в словах Фэй Хундэ сквозило напоминание о необходимости сдержанности. От этого он смутился.

— Мастер Фэй, почему вы пришли сюда лично? — У Ду сжал кулак в руке и поприветствовал Фэй Хундэ, после чего обе стороны заняли свои места. Затем он попросил слуг налить еще одну миску каши, чтобы Фэй Хундэ мог немного позавтракать перед тем, как они начнут.

— Я слишком много времени провел в Ляо и соскучился по еде Центральной равнины, — произнес Фэй Хундэ, — не могу привыкнуть к тамошней пище, да и желудку она не нравится. Еда с юга мне больше подходит.

Дуань Лин хихикнул.

Фэй Хундэ сказал:

— Вы двое тоже ешьте. Не беспокойтесь об этом старике.

Все принялись за кашу, а Дуань Лин подумал: «Раз уж вы согласились остаться, возможно, я не смогу заставить Чжэн Яня готовить, но если вы пожелаете, чтобы я готовил и прислуживал

вам, то я не против».

— На вкус эта каша словно от великого повара, — немного откушав, с улыбкой произнес Фэй Хундэ.

— Это Чжэн Янь меня научил, — ответил У Ду. — Чтобы научиться готовке, нужно начать с приготовления каши.

— Верно, — Фэй Хундэ бросил взгляд на Дуань Лина. — Готовя кашу, учишься контролировать нагрев; слишком много — так же плохо, как и недостаточно. Это довольно сложное занятие.

Дуань Лин одобрительно хмыкнул. Прошло уже несколько месяцев, и Дуань Лин привык к простым разговорам. Теперь же он словно вернулся к своему учителю-канцлеру, который просто обожал играть в словесные игры, намекая на что-то каждой фразой. Его мозг едва успел свернуть за угол, и он понял, что Фэй Хундэ намекал на то, что во всем нужен отточенный «контроль тепла».

— Мне нужно больше практики, — сказал Дуань Лин. — Но боюсь, время не ждет.

— Ну... — задумчиво протянул Фэй Хундэ, но не стал уточнять, что подразумевалось под словами «время не ждет». Чувствуя, что у Дуань Лина свои скрытые опасения, он сменил тему:

— Как здоровье Его Величества в последнее время?

— Когда я покидал Цзянчжоу, он был в добром здравии, — ответил Дуань Лин.

Дуань Лин не торопил Фэй Хундэ и не спрашивал о зерне: раз уж он был здесь, они наверняка смогут как-нибудь решить проблему с едой. Даже если ему не удастся одолжить зерно, он сможет придумать другой способ. Между тем, первая тема, которую поднял Фэй Хундэ после того, как сел за стол, на самом деле была самой важной из всех — как для него самого, так и для всей империи Чэнь.

— Как долго продлится срок ваших полномочий? — спросил Фэй Хундэ.

— По общему правилу — три года, — ответил Дуань Лин. — Но, боюсь, я не смогу продержаться так долго.

Как только он закончит наводить порядок в Е, ему придется вернуться.

— Неважно, — сказал Фэй Хундэ. — У всех сейчас много свободного времени, так что можете не спеша все обдумать.

На этом они прекратили разговор. Дуань Лин знал, что вопрос о том, как он вернется к императорскому двору, имел первостепенное значение, и Фэй Хундэ тоже не решил его. Но с тех пор, как они расстались в тот день в Тунгуань, Фэй Хундэ, должно быть, уже думал об этой проблеме.

— Каков ответ империи Ляо? — спросил У Ду.

— К счастью, я успешно выполнил вашу просьбу, — с улыбкой ответил Фэй Хундэ.

Дуань Лин выпустил облегченный вздох и встал, чтобы поклониться Фэй Хундэ. Тот снова скромно отмахнулся и развязал свой дорожный узелок.

— После того как принц Силян Хэлянь Бо отправился домой, он написал письмо Елюй Цзунчжэню о вашей встрече с ним в Тунгуань, и Его Величество Елюй выделил зерно простым взмахом своей императорской кисти.

Хвала небесам, подумал Дуань Лин. Но тут Фэй Хундэ добавил:

— Также есть письмо, написанное от руки, и оно предназначено для вас. Он хотел бы, чтобы вы отправились в Ляо следующей весной, когда у вас появится время.

Дуань Лин затих. Он взял письмо, но не открыл его, оставив лежать на столе.

У Ду сказал:

— Похоже, он все понял.

Фэй Хундэ произнес:

— Его Величество Елюй должен выделить эту партию зерна. В конце концов, хотя Чэнь и Ляо и воевали в прошлом, они теперь как зубы и губы* зависимы друг от друга в их сопротивлении монголам. Генерал У, простите старику его бестактность, но некоторые обиды... стоит временно оставить в прошлом.

* 唇亡齿寒 — «если губы пропадут, то и зубы замерзнут».

У Ду замолчал. Для него смерть учителя и его жены в Шанцзы имела самое непосредственное отношение к киданям. Хотя Сюн Чунь умерла в Шанцзине, если им придется расследовать ее смерть...

— Что он сказал? — спросил Дуань Лин.

— Он был крайне удивлен. Его Величество Елюй сказал, что после того, как он прочитал письмо принца Хэляня, он не спал всю ночь.

— Понятно.

Дуань Лин подумал, что если это так, то Елюй Цзунчжэнь наверняка о чем-то догадался. Из них троих только Бату знал истинную личность Дуань Лина — наследник престола Южной Чэнь; даже Хэлянь Бо не ведал об этом, зная его лишь как Ван Шаня.. Что касалось того, как именно Елюй Цзунчжэнь догадался, и предпринимал ли он иные шаги, чтобы проверить Южный Чэнь — оставалось загадкой.

— Здесь также небольшой сундук.

Фэй Хундэ достал из своего свертка маленькую деревянную шкатулку и передал ее Дуань Лину. Он посмотрел на У Ду, и тот открыл ее.

Дуань Лин на мгновение потерял дар речи.

— Что это значит?

Дуань Лин разглядывал содержимое деревянного ларца. Сначала он подумал, что продолговатый ящичек — футляр для меча, но внутри, на бархатной подкладке, аккуратно лежали одиннадцать персиков, больших и маленьких.

Фэй Хундэ ответил:

— Он сказал, что вы поймете, как только увидите это.

— Персики?

Уголок рта Дуань Лина дернулся. Неужели намёк — бежать, пока не поздно?*

* Возможно, имелась в виду схожесть между написанием 奔 (персик) и 奔 (бежать).

У Ду спросил:

— Ты дарил ему какой-то знак привязанности*?

* 定婚礼 дословно «подарок на помолвку».

Дуань Лин на секунду растерялся.

— Я никогда не дарил ему никаких знаков привязанности! — быстро объяснился Дуань Лин.

У Ду уже привык к тому, что этот парень заводил романы с мужчинами, куда бы он ни пошел, но ничего не мог поделать. Ведь все это случилось еще до его знакомства с Дуань Лином, так что же он мог сказать? Император Ляо даже знал Дуань Лина дольше, чем он сам.

Фэй Хундэ лишь улыбнулся, не говоря ни слова, а затем ответил:

— Зерно будет здесь через несколько дней. Я не такой, как вы, молодые люди, и после нескольких дней скорого путешествия, кажется, совсем выдохся.

— Отведите мастера Фэя в комнату, где он сможет немного отдохнуть, — сразу же приказал Дуань Лин слуге.

Дуань Лин велел слугам подготовить место для Фэй Хундэ, а сам остался в главном зале и смотрел на коробку с персиками. У Ду не стал его донимать и вышел прогуляться на улицу, оставив его одного в зале.

— Их невозможно есть, — сказал У Ду, выходя из комнаты, — они недозрелые и маленькие, поэтому я уверен, что он сорвал первый урожай с персикового дерева, просто чтобы дать тебе почувствовать, какие они терпкие. Впрочем, можешь их посадить.

В памяти Дуань Лина внезапно всплыли воспоминания: в доме во дворе, который он делил с отцом в Шанцзине, росло персиковое дерево, и Лан Цзюнься однажды сказал ему, что отец вернется, когда на персиковом дереве распустятся цветы.

В тот день Елюй Цзунчжэнь хотел отвезти его в Чжунцзин, а Дуань Лин отказался и в качестве подарка передал ему ветку персикового дерева с плодами на ней.

Не может быть. Неужели Елюй Цзунчжэнь правда посадил персиковые косточки с этой ветки в своем императорском саду, и теперь они уже превратились в дерево?

Дуань Лин расчувствовался и примерно прикинул — так, наверное, и было. Даже персиковое дерево в Чжунцзине уже выросло; в мгновение ока прошло два года. Если это так, то, возможно, Елюй Цзунчжэнь уже обо всем догадался.

В конце концов он вскрыл письмо. Оно было написано на киданьском, и Цзунчжэнь по-прежнему обращался к нему как к «Дуань Лину». Суть письма заключалась в том, что прошло много времени с тех пор, как они расстались, и в прошлом году, когда он узнал от Хэлянь Бо, что у него все хорошо, он почувствовал огромное облегчение. Теперь же он, похоже, переезжал с места на место, и его адрес стал еще менее определен, чем у мастера Фэя;

противостоять монгольским войскам, вероятно, будет непростой задачей.

Он не забыл, как Дуань Лин однажды спас ему жизнь. Зерно уже было отправлено, и он надеялся, что Дуань Лин будет стойко держаться, и верил в него. Единственное, о чем он беспокоился, так это о том, что, если Борджигин Бату придет во главе своей армии, Дуань Лин не посмеет сражаться с ним из сентиментальных соображений.

Он уже был здесь... — подумал Дуань Лин. Читая письмо, он вспоминал время, проведенное в Шанцзине, и очень скучал по тем денькам.

Цзунчжэнь добавил: «Я получил известие о кончине твоего отца и скорблю о его утрате. Уверен, когда-нибудь ты отомстишь».

Дуань Лин чувствовал смутное беспокойство, но потом вспомнил — точно, Хэлянь Бо, наверное, ему рассказал.

В конце концов он упомянул, что в сундуке лежат персики, и они с той самой ветки, которую Дуань Лин попросил гонца подарить ему после расставания в Шанцзине, руководствуясь мыслью «персиковые деревья нежны и пышны, а как великолепно они цветут». Получив их, он посадил их в императорских садах, и, к его удивлению, с приходом весны они действительно выросли. В этом году они принесли одиннадцать плодов, и он собрал их все и отправил Дуань Лину.

Следующей весной, если он захочет что-то рассказать, он может приехать в Чжунцзин, где они предадутся воспоминаниям.

Дуань Лин закрыл письмо и надолго откинулся на спинку кушетки. Испустив длинный вздох, он вынес персики на улицу и рассказал обо всем У Ду. Теперь, когда они находились на разных концах света, он мог только надеяться, что между ним и Бату не произойдет ничего подобного.

Но после того, как У Ду закончил слушать о событиях прошлого, его внимание привлекло совсем другое.

— Кто-то хотел убить его? — озадаченно спросил У Ду.

— Да, — вспомнил и поведал Дуань Лин. — Я блокировал тот удар, так что, возможно, он одалживает нам зерно, чтобы оплатить за услугу. Если мне понадобится что-то еще, нам придется встретиться снова, чтобы продолжить переговоры.

И это всего лишь было человеческой природой; сейчас каждый из них должен был обдумать свое решение с позиции своей империи и не мог действовать, руководствуясь побуждениями. Если они не станут сотрудничать дальше, то, конечно, Елюй Цзунчжэнь не будет продолжать помогать ему. Если бы он хотел, чтобы ему помогали, это было бы прекрасно, но это должно

было быть выгодно и ему или, по крайней мере, представлять достаточную выгоду, чтобы это было целесообразно.

— Не думай, что это полностью взаимная помощь, — сказал У Ду. — Я уверен, что в этом есть и доля чувства. Просто наполовину и того, и другого, вот и все.

— Да, — кивнул Дуань Лин.

У Ду продолжил:

— Я слышал, что у императора Ляо гарем из трех дворцов и шести дворов, и у него уже есть императрица, не говоря уже о том, сколько наложниц, так что тебе лучше...

— О чем ты говоришь?! — Дуань Лин поднял футляр и сделал вид, будто собирается ударить им У Ду. Тот засмеялся и посмотрел на Дуань Лина, стоящего под солнечным светом. Опустив голову, он поцеловал его в щеку.

— Я хочу посадить эти персики, — сказал Дуань Лин.

— Давай я тебе помогу.

У Ду закатил рукава, и они вместе закопали персики во дворе возле их комнаты, но было неизвестно, сколько из них выживет. Закончив, Дуань Лин вытряхнул землю с одежды и позвал Линь Юньци, Янь Ди, Ван Чжэна и Ши Ци, сообщая им, что его не будет несколько дней, и на это время он оставляет Фэй Хундэ за главного.

Чжэн Янь опять где-то валял дурака. У Ду оставил письмо, в котором просил его пока присмотреть за домом, и в тот же день собрался с силами, чтобы отправиться к Сюньшуй.

Северный берег Сюньшуй был окутан туманными красками сумерек, а все дальние горы вдоль побережья были залиты тусклым светом заката.

— Что ты собираешься делать? — спросил У Ду. — Хочешь теперь разграбить территорию киданей после того, как прочитал письмо императора Ляо?

— Нет, — сказал Дуань Лин. — В районе Сюньяна осталось не так уж много людей. Кидани не могут справиться со всеми этими постоянными монгольскими нападениями, поэтому все, что они могут сделать, — это согнать простолюдинов в свои города. Посмотри сюда.

Дуань Лин развернул карту, показывая ее У Ду. Они ехали на Бэнь Сяо, Дуань Лин сидел впереди, У Ду непринужденно держал поводья, направляя Бэнь Сяо вдоль берега, а другой рукой обхватывал Дуань Лина, удерживая его рядом.

— Из долины Хэйшань, — произнес Дуань Лин, — следуя течению горных потоков, они доберутся до Сюньшуй. Это водный путь.

— Да, — У Ду лениво откинулся на спину Дуань Лина, глядя на карту.

— Мы можем вырубать лес прямо здесь, — сказал Дуань Лин. — Срубим здесь все деревья как можно быстрее, бросим бревна в реку, пустим их по течению и будем ждать по обе стороны узкого фарватера в пятнадцати ли выше по течению на северном берегу Е.

— Я понял, — сказал У Ду.

— Сначала срубим восемь тысяч деревьев, — произнес Дуань Лин. — А о других вещах будем беспокоиться, когда раздобудем угля на зиму.

<http://bllate.org/book/15657/1400665>